

В Швеции модно жить скромно, но с достатком и достоинством

Культурная политика без деклараций

Лет десять — пятнадцать назад в коммюнике отсутствием информации обнаружили тогдашние социальные люди существовало как минимум три устойчивых динамических стереотипа, связанных со Швецией: шведский стиль, шведская смесь и шведский социализм. По мере более углубленного знакомства с миром (и со Швецией, в частности) птические расхождения выяснили, что «шведский стиль» — это не более чем довольно скромный завтрак, где количество столовых приборов не ограничивается вороватыми поездами и хамоватыми официантами. Кстати, в самой Швеции такого рода застолки именуются «турбогородским столом». «Шведская смесь» на поверку оказалась просто мифом. Нынешняя Швеция, как, впрочем, и весь остальной мир, насыщена прагматичной СПИДом, ведущим умеренную, контрактивно-эротическую сексуальную жизнь, никаких особенных семей для этого не создавая. Со «шведским социализмом» дело обстоит несколько скромнее. Он, как крути, существует, хотя к тому, что мы с вами на протяжении многих десятилетий имели в виду под названием «реальный социализм», конечно, никакого отношения не имеет. Замешанной на крутом и основательном капитализме, он является, несомненно, воплощением мечты московского моря Ю.М.Лужкова, предложившего недавно работать по-социалистически, а жить по-шведски.

Культура — мотор развития

К этому выводу шведы пришли довольно давно, лет примерно шестьдесят назад. Говорят, не без влияния трагических катаклизмов, случившихся у великого восточного соседа. Судя по уровню развития, мотор работает хорошо и без особых перебоев. Очень характерно, что почти все свои проблемы шведы начинают решать именно через культуру. Скажем, в последнее десятилетие существует проблема для страны стала аддитивами эмигрантов. (Примерно 20 процентов населения не являются этническими шведами. Будут страной, несомненно, продвинутой демократии, Швеция всегда давала значительные квартиры для выезда политических и экономических эмигрантов из Латинской Америки, Азии и Африки). Главным аддитивом учреждений шведов сделали свое министерство культуры, даже ввели должности еще одного министра культуры (и два в одном министерстве). Как рассказала мне «шторм» министр культуры, г-жа Ульрика Мессонг, главная ассимиляционная задача — «мониторинг» эмигрантов и их детей, сохранение, естественно, их религиозной и культурной особости, в культуру шведскую. Только так можно сохранять гармоничность общества. На гармонию шведы денег не жалко. Кто же «мониторит» аборигенов или таджиков, оказавшихся во власти национальных, российских, в дешевые культуры?

При этом всем надо иметь в виду, что географические особенности Швеции вовсе не способствуют интенсивному распространению культурной жизни. Территория достаточно обширна и редко заселена. Но существует продуманная и рациональная культурная политика, не только продекларирована, но и последовательно реализуемая. В принципе она весьма напоминает ту, при которой мы все прошли большую часть своей жизни, но с двумя существенными отличиями: полное отсутствие идеологии и полное присутствие необходимых материальных ресурсов. Скажем, большинство шведов от мала до вели-

ва в год примерно полмиллиарда долларов (в шведских кронах, конечно, в долларах приводу для понятности). В руках же называть цифру просто страшно. Если пересчитать через численность населения, то получается, что годовой культурный бюджет нашего с вами Странства должен составлять, по шведским понятиям, где-то шесть миллиардов долларов. Простите, дорогие мои музейщики и библиотекари, за этот расчет. Я не знаю. Это все шведы...). Кроме того, достаточно крупные ассигнования на культуру выделяются из муниципальных бюджетов. Откуда шведские власти берут эти фантастические деньги шведских купюраторов не интересует. Известно другое, как на эти средства реализовать главный приоритет шведской культурной политики — достоинства культуры должны быть разносторонними каждому шведу, где бы он ни жил и чем бы ни занимался. Судя по тому, что видел я, это у них получается.

То же относится и к шведским музеям — большинство из них финансируются из бюджета (прочитано на шестьдесят от потребности, остальные сорок надеяются на бюджетные деньги). Наполи, заполненные шведами, возвращаются ему в самом что ни на есть культурном виде. Так называемая «новая шведская культурная политика», принятая в 1974 году, состояла из трех пунктов, чтобы каждый (правильный) разговор состоялся у меня с директором стокгольмской Оружейной палаты г-жой Барбарой Бурсле. Как и положено музейщицей, г-жа Бурсле посоветовала на то, что выделяемые государственные и муниципальные бюджеты. Не правда ли, многое было и знали? Правда, никто, спаси Богу, никому не указывает, какие льбы ставить и какую партию прославлять. Из статистики на девять миллионов жителей Швеции приходится ежегодно четыре миллиона посещений театра. Одно из главных условий государственного субсидирования шведских театров — активные гастроли, выход в народ.

Демонстрирует свое неодобрение правительственный культурный политики. «Впрочем, — продолжила г-жа Бурсле, — если правительство не даст мне денег на часы, обращусь к королю». «Какие часы?» — поинтересовалась я.

И тут мне была рассказано совершенно детективная история. Речь идет о часах короля Карла XII, которые тридцать лет назад были украшены из музея. Всплыли они три года назад в Швеции. Некий шведец застрил свою жену, потом застрелился сам, попавши в дом обмык и обнаружил тайник полный антиквариата. Были там и часы Карла XII. Почему-то их не вернули в стокгольмский музей, в продали на аукционе какому-то англичанину. Потом гроб продали их шведам, но требует более миллиона шведских крон (около 125 тысяч долларов). Таких денег у музея нет, до последнего срока выкупа, установленного англичанином, остается два месяца. Попросил недостающие средства г-жа Бурсле хочет у короля. Что ж, по-моему, вполне логично. В конце концов Карл XII — предок нынешнего Карла XVI Густава, значит, и к часам имеет неподчиненное отношение. Кстати, сейчас в стокгольмской Оружейной палате проходит замечательная выставка: «Петр I и Карл XII», составленная из российских и шведских экспонатов. Народу полно, хотя билеты довольно дорого. Музей активно разрабатывает свой сорок процентов.

Пожалуй, наиболее характерным, истинно «шведским» музей мне показался Музей архитектуры. Работают в нем 35 человек, финансируется он государством на те же 60 процентов, что и остальные музеи, но меня он поразил прежде всего своей многофункциональностью. 130 тысяч посетителей в год — это как бы сама архитектура музея, где хранятся более миллиона чертежей, рисунков, фотографий начиная с середины XIX века и куда любой шведский архитектор или его наследники могут сдать все оставшиеся материалы, а абсолютная доступность ко всему, что есть в музее (через компьютеры), для каждого

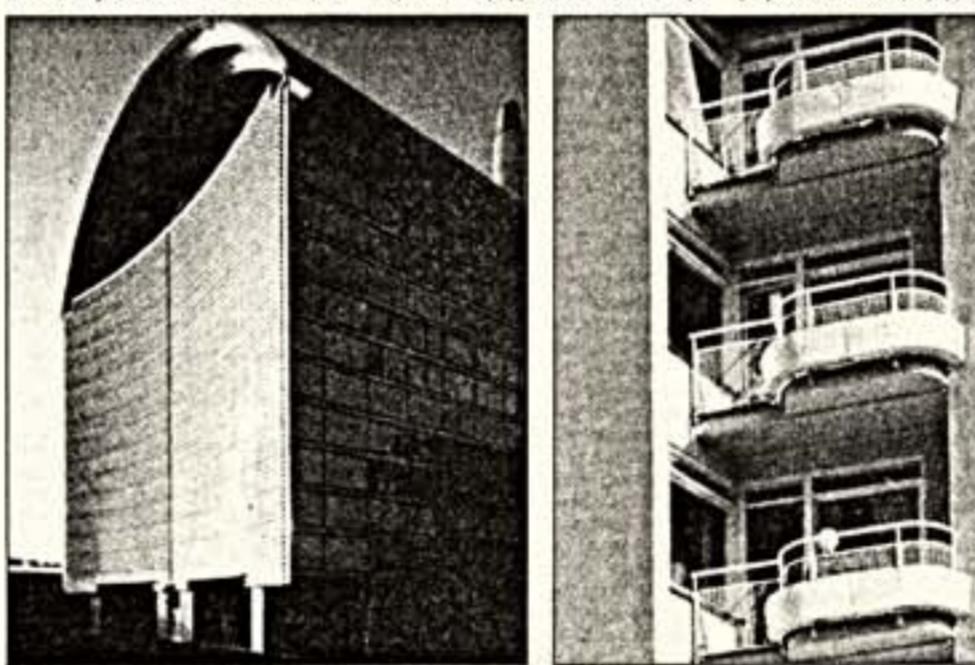
своего народа. Во-первых, в этом году приехало на 12 процентов больше туристов, чем обычно. Причем появились люди из Японии, Канады, Латинской Америки, которые посещают Стокгольм. Во-вторых, как минимум половина жителей Швеции принимает участие в программах, связанных с тем, что Стокгольм стал культурной столицей Европы. В-третьих, в блистательное культурное действие, проходящее сейчас целый год, оказались втянутыми очень многие эмигранты, а для шведов, как мы уже говорили, это весьма важно. Шведы сумели очень достойно показать свою национальную культуру и одновременно увидеть многочество гастрольных коллективов со всего мира. Впрочем, в этом году гастролей было меньше, чем обычно, зато куда больше совместных культурных проектов. И, наконец, может быть главное, что отличало этот год от предыдущих — специальная программа, объединявшая детей и взрослых. И, наконец, я разговаривал с Гером Энквистом, известным шведским писателем и художником, разрабатывающим сейчас по поручению правительства программы новой шведской кинополитики; мне казалось, что слышу очередное выступление Никиты Михалкова. Очень похожи и предлагаемые рецепты спасения. В прошлом году шведы сняли 29 фильмов (примерно столько же картины сняли и у нас в 1997 году). По мнению Г.Энквиста, этого явно недостаточно. Сейчас шведский бюджет финансирует национальную кинокомпанию на 30—50 процентов, а надеяется, что и 80 процентов.

Обошелся этот долгий праздник в 455 миллионов крон (около 60 миллионов долларов). Европосоздал около одного процента необходимой суммы, остальное нашли сами шведы, естественно, не в ущерб текущему финансированию учреждений культуры.

Как это делается в Швеции

Делается это спокойно, привычно и достаточно рутинно. Без болтовни, надрывов и воленских деклараций. Люди много и хорошо работают (я, например, долго и безуспешно пытаюсь выяснить, как два процента населения северной страны, имевшие столько шведов занятых в сельском хозяйстве, могут ее прокормить и еще экспортовать свою продукцию во всему миру. Все недумают похвалами племянами и говорят, что вот, мол, так спожилось). Потом они платят налоги. Очень большие. В конце семидесятых годов легендарная Астрид Линдгрен написала статью, где доказала, что с каждым стакон дохода она платит ровно столько же налогов. Говорят, что тогда она этой статьей повлияла на социал-демократическое правительство, находившееся у власти чуть ли не полвека. Но не надолго: через пару лет социал-демократы вернулись. Шведы готовы платить чуть ли не самые высокие налоги в мире ради той социальной гармонии, которой очень дорожат. Чиновники почему-то не воруют и не берут взяток. Я например спрашивал: «Почему?» Отвечали: «Потому что шведы. Мы называем эту страну и то, как она устроена». Вот так и живут. Капиталисты с социальными лицами. Промывают самые лучшие в Европе мозги, а сами ездят на велосипедах. Им так нравится: удобно, полезно для здоровья, а главное — скромно. Но с достатком и достоинством.

Юрий БЕЛЯВСКИЙ
Стокгольм — Москва

Вверху: современная архитектура Швеции.
Внизу:
Ингмар Бергман репетирует с группой «Шведского Телевидения» постановку своей пьесы «В присутствии клутина». 1997 г.

Вверху: шведская волынка.
В центре:
те самые часы Карла XII.
Внизу:
пожарное депо в Евле. 1890 г.

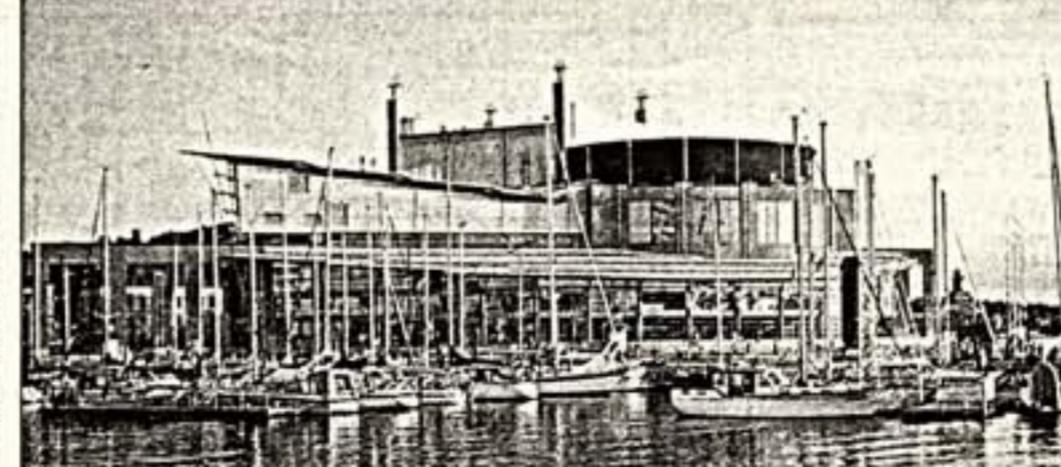
Все начинается с денег

Это самое простое, что приходит в голову, когда начинаешь разбираться в шведской культурной политике. Потом, когда чуть-чуть разберешься, понимаешь, что все деньги могли бы и окончиться, если бы не радостный шведский «здравий смысл при использовании этих денег».

Когда я беседовал с г-жой Анной Кристин Нюквист, государственным секретарем, заместителем министра культуры Швеции, меня просто поразили твердость и убежденность, с которыми эта очаровательная леди произнесла применительно к культуре фразы: «тускрост» и «государство обижено». Собственно, главной задачей красного министерства, которое она возглавляет, является необходимость доказать шведскому парламенту, сколько государство «доказано» национальной культуре. При этом никаких «обязательных процентов» от бюджета каких-либо «зацикленных» строк бюджета в Швеции не существует. Финансируются конкретные проекты и конкретные объекты, а зациклены все строчки. Это не мешает шведской культуре получать от шведского государства

Пиршество Мельпомены на фоне закрытого занавеса

Заметки с Международного фестиваля театра и танца в Гетеборге

Слева: новый оперный театр на набережной в Гетеборге открылся осенью 1994 г. Архитектор — Ян Ильинович.

Справа: спектакли балетной труппы Саша Вальц: «Швайцано» (вверху) и «Аллея космонавтов» (внизу)

Человека — это лишь малая доля того, что делается в этом музее. Музей очень популярен в Швеции прежде всего потому, что он фактически включен в систему народного образования. По шведским законам население имеет право (и возможность) иммешиматься в решения по архитектуре места (района) своего проживания. Надо заметить, что шведы очень активны и умеют пользоваться своими правами. Для того чтобы развить художественный вкус у населения, музеем разработаны специальные образовательные программы для детей и для взрослых. Особое внимание уделяется проблемам развития вкуса у менеджеров строитель-

ников. Возникли и серьезные финансовые проблемы. В стране «всобщего благоденствия» разразился скандал, произошло неслыханное: местные политики, отвечающие за культуру в Гетеборге, объявили о закрытии городского театра. А ведь с долгие годы был художественно значимым в жизни страны, играл во многом лидирующую роль.

Там интересная стела встреча с новым молодым художественным руководителем театра Яенико Селимовичем. Он из Боснии, режиссер и писатель, взявший на себя нелегкую задачу преодоления кризиса. Пончала выбрал нестандартный путь: написал и поставил пьесу о нынешней ситуации. Именно этим спектаклем был открыт сезон. Называется он «Хьюстон». Как объясняет автор, по шведской традиции, когда вы собираетесь приобрести новое жилье, то совершаете своего рода его «инспекцию», осмотр, с тем чтобы узрнуть, в каком он состоянии, и все тщательно проверять. Пьеса — это же прогулка по театру, которая начинается у билетных касс, продолжается за кулисами, на сценах, существующими в нем, и заканчивается зрительным залом, где по ходу спектакля находятся и действуют актеры, а зрители, как бы поменявшись с ними местами, сидят на сцене.

«Этой пьесой я хотел сказать, — говорит Селимович, — что для театра нет иного пути выхода из кризиса, кроме пути художественного. Театр может быть спасен только изнутри самим театром, так будет найден ключ к его спасению».

Молодой художественный руководитель предпринимает серьезные шаги, развязывает новые направления, стремясь внести изменения в творческий процесс в последние годы, послужила замкнутостью шведского театра, самоизолированностью от мирового театрального процесса, художественной нестабильностью, отсутствием свежих идей и новых сценических вея-

ний трех лет. В нем речь идет об отношениях между искусством и жизнью. Могут ли искусство и красота решить болезненные проблемы, существующие между природой и культурой, природой и смертью? Идет спектакль четыре часа, дают себя знать многословие, возможные «откровения» натуралогического толка. Ниже — «Аллея космонавтов» и «Швайцано», спектакли балетной труппы Саша Вальц. «Швайцано» — это «Легенда о Клиниках», «Швайцано» — это «Дважды земля». Первый, кстати, знакомый москвичам, «Швайцано» — это «Легенда о Клиниках», представляет собой историю Германии — воссоединения, но все же разделенной, как саксонские близнецы. Саша Вальц нашла для этого соответствующий образ — мифический интерес к русской школе, большую открытость, которые раньше встречал, пожалуй, только у японцев. Шведы тянутся к нашей школе, хотя тот сред русского театра, который представил П.Фоменко, Ан.Васильев, К.Гинзис и я, для них не слишком привычен. Они больше ориентированы на классическую традицию, находятся в рамках «литературности», политического элемента, актеры блестяще владеют каждым из них.

В спектакле — три акта: «Созерцание», «Власть» и «Желание».

Спектакль — это выступление артистов неизвестной балетной труппы Саша Вальц. Они привезли два спектакля:

чертой фестиваля этого года то, что он вышел на улицы, выплыл на площади, где каждый вечер можно было слушать классическую музыку или джаз, в во время уик-эндов — увидеть уличные представления, которые давали актеры из Англии, Франции и Голландии. Ее радует, что из России были привезены очень хорошие спектакли, заполучить которые отнюдь не просто. Ей хотелось бы, чтобы жители Гетеборга были больше вовлечены в общевсемирный творческий процесс и, в свою очередь, могли бы гордиться своим городом, имеющим давние культурные традиции.

Елизавета ШТАЙГЕР
Гетеборг — Москва

